

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Анатолий Жариков

Старый апрель

Книга стихотворений

Анатолий Жариков

**Старый апрель.
Сборник стихотворений**

«Автор»

2018

Жариков А.

Старый апрель. Сборник стихотворений / А. Жариков —
«Автор», 2018

Название книги «Старый апрель» говорит об одном из двух: или старый всё ещё Апрель, или Апрель вечно молодой. Что почти одно и то же. Об этом – стихотворения сборника. Стихи ничего не утверждают. В каждой новой книге всё только начинается, осматривается, удивляется. Давай, читатель, заварим чай, сядем к батарее и будем читать, читать, спрашивать... Содержит нецензурную брань.

© Жариков А., 2018

© Автор, 2018

...Осяду на листьях травы Уитмена.

Глаз не держит
слезу старика,
пьющего молодое вино.

Левый башмак
остался в старом году.
Festina lente.

Что каркаешь, чёрная?
Знаю, что зима,
что холодно.

Закурюсь пылью за стадом,
осяду на листьях травы Уитмена.
Когда много, мне ничего не надо,
малое не беспокоит меня.

Когда уже нету шанса остаться,
сбиты копыта, и опадают перья,
выходишь вперёд и становишься первых первым,
раздвигая пространство.

Бог сотворил человека.
Человек бога.
Великая тайна.

Пустые кресла.
На одном – трубка и пепел.
Сейчас художник вернётся.

Мир пришёл ко мне
так поздно, что я
не успел его разглядеть.

Во мне бурлит
энергия
затухающего костерка.

На ночь закрываю двери.
А то проснусь –
а меня нет.

Через миллиард лет
у берущих вырастут
ещё две руки,
у дающих –
крылья.

И журавль до хвоста намок,
и синицу задуло ветром.
Заверни меня в Свиток Мёртвых
на сотом метре.

В моих стихах
война заканчивается,
не начинаясь.

Сугробы
дотянулись до окон.
Рождественский день.

Рождество.
Сбирайтесь в стадо,
овечки-человечки.

Радуюсь
радости
Бытия.

Большие сиськи
опрокидывают
моё сознание.

И боги старые ставили в примеры
глухих Бетховенов,
слепых Гомеров.
И бес играл на скрипке Страдивари.
И на базаре солнцем торговали.

Сижу на берегу.
Куриный глаз
рассказывает о море.

Голубой сад
в озере
тихой воды.

Таким добром,
как человек,
не разбрасываются.

Де Сад
признался нам
в наших пороках.

Что-то штопаешь

в углу комнаты.
Огонь в камине.

После жаркой постели
женщину можно ставить
в цветочную вазу.

Рука Страдивари – скрипка.
Движение руки –
мелодия.

Разгонись ручьём в овраге.
Светом задержись на туче.
День был. Быстро на бумаге
сделай лучше!

ОСЕНЬ

Изгибы голых яблоневого тел.
Сухие стрелы поздних иммортелей.
И порох в чашах мака отсырел.
И гуси пролетели.

ОТТЕПЕЛЬ

Кусками ваты снег сползает с крыш.
Немного солнца в хвором небе лишь.

Спокойно пройду мимо памятников,
раскину палатку, забью колышки,
замешаю цемент на яичном желтке
и буду терпеливо ждать, пока
голова с постамента не прорастёт
сквозь брезентовую крышу.

Москва не приняла,
плевала на Москву,
её подарки, подлость, милость.
Как пыль из тряпки, выбила тоску.
В Елабуге под потолком забила.
И удавилась. Словно удивилась.

Сугроб истекает
хрустальной водой.
Жмурится синица.

Молекула швабры
состоит из
атомов швабры.

Эти расплавленные

формулы физиков,
Подсолнухи Ван Гога.

У камина
снится лето.
Майка, шорты, босиком.

Для кого ещё
запах земляники,
запах нарцисса?

Знаю знание.
Знание знает меня.
Сознание.

Всемогуший.
Значит, можешь
и не мочь?

Иные стихи
для будущих
пониманий.

Читаю.
Восторгаюсь.
Я не пишу стихи.

Зажал ноздрю,
река течёт обратно.

—Господь, люблю
творить!

Господь:
—И ладно...

То атомом творил,
то автоматом.
То нежным ай-лю-ли,
то матом.

—До божьих дотянусь,
до гениталий!

Господь:
—Не далее.

Кефиру налила,
насыпала крошек печенья.

Хотел стать человеком и макак
до визга, Дарвина ученья.
Но – никак.

Сырая земля
отогревается в лёгких.
Кашляет о себе.

Красные звёзды
сверлят ночь
миллиардами лет.

Достоевский
с мешком на голове
увидел звёзды.

ЗЕМЛИ УЛЫБКА

Паганини с макаронными пальцами.
По с ручным вороном.
Ван Гог с солнечным ветром.

Сколько стоит поэт,
если читатели оставляют
его книги в вагонах метро
с сотенными закладками?

Кто поливает их,
высаженных
в цветочные горшки Вселенной?

Когда останется место,
где ты сидел,
стол, за которым
ты писал,
следы на полу,
где ты непрерывно
ходил из угла в угол,
углекислота, затерявшаяся
в голубых глубинах неба, –
кто-то скажет: «Был».
Кто-то скажет: «Не был...».

Это он,
отпускающий восторженный матерок
в морозный солнечный день.
Опрометчиво обещавший вернуться,
до сих пор не вернулся,
умирать на остров.

Он, которому аплодировали
восставшие из красного пламени.
Который вдрючивал
серебряные строчки в уши
афроамериканских студентов.
Подавившийся куриной косточкой
так и не свёл счёты
с Господом Богом.
Это он,
после Нобелевской попойки
блюющий над унитазом
и мычащий на амальгаму
реального зеркала.
Глазами опроставшейся Богородицы
проводжающий уходящего
умирать Симеона.
Запоздалой старческой смелостью
склоняющий мою фамилию.
Покинутый всеми на свете
любовницами и
жующий перья
обоссанной подушки
в холодном номере гостиницы,
напоминающем тёплую детскую.
Посвятивший наждаком обдирающие
нутро и мозги строки
выплюнувшей его
из высоких снегов стране.
Ах ты бя...

Годы жизни Сатаны
бесконечно делятся на
годы смерти Христа.

Он заставил произнести
свою невыговариваемую фамилию
каждого пользователя Земли.

Я всегда был первым,
когда всегда был
вторым.

Начинаю там,
где заканчивается
сознание.

ФОРМУЛА БОГА

И отделил
свет от ночи.

Человека от слова.

Вороны Ван Гога
улетают в будущее
искусство.

Он так боялся жизни,
что решил сойти с ума
перед смертью.

На «Тайной вечере»
ищем Иуду.

Иуда уже в нас.

Первые звёзды.
Басё
на вечерней тропе.

Микеланджело
сотворил человека.
Модильяни – чувство в нём.

Не время уходит.
Сознание уходит
на время.

МИКЕЛАНДЖЕЛО. СВЕТ ИСТИНЫ

Мы без тебя –
ком грязи,
нега лени,
короткая строка стихотворения.
Ты красотой вскрыл
слепых глаза.
Но, Боже, как
бессмертие сказать?

Горы мышц
не годятся для грешников,
великий Мике.

Я знаю
одну Венеру –
кисти Боттичелли.

ТАЙНАЯ ВЕЧЕРЯ

Во все столетия
он с ним рядом встал.
Сидящий третьим
слева от Христа.

Улыбка Джоконды
снимает страх
перед жизнью и смертью.

Первую,
осторожную улыбку,
явила Джоконда.

Мне скажут,
что это – шедевр.
И я буду думать.

Мне скажут,
что это – говно.
И я буду думать.

А потом
пошлю их всех.
И буду думать.

Караваджо
тоже Микеланджело.
Но Караваджо.

ПРОГУЛКА С ЕЛЕНОЙ БЕССОНОВОЙ

Опомнишься утром
какого-то хрена, какого-то мая
и смотришь, смотришь в себя,
всматриваешься будто:
–Маска, я тебя знаю!

Живу да живу
кто его знает сколько.
Сократ говорит: «Дежавю».
Де Сад говорит: «Ломка».

Высокий у граждан вкус,
как газ над сектором Газа.
Вижу Салон Искусств,
сидя на унитазе.

Или пойти погулять
с поэтом Извековым?
Только где ж его взять,
этого человека?

Вытаптываешь слог
с которой и Бог не был.

Смотришь на потолок
и видишь – небо.

Всё повторяется в итоге.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.